

Тихий русский

История Героя Соцтруда, вернувшегося из литературы в мужики

Сегодня исполняется 95 лет со дня рождения Леонида Ильича Брежнева — человека, чье имя прочно ассоциируется со вкусом, запахом и цветом эпохи застоя. На этот вкус и цвет товарищей становится все меньше — и дело тут не в «естественной убыли», а в духовной эволюции людей. Меняются даже те, кто в свое время был идеальным представителем существующего строя. Накануне юбилея покойного генсека мы встретились с Егором Исаевым, который при Брежневе стал секретарем Союза писателей, лауреатом Ленинской премии и Героем Соцтруда. Его биография — типичная success story второй половины советской семидесятилетки. Паренек из воронежского села Коршево начал писать в окопах Великой Отечественной, вернувшись, заканчивая Литинститут, за поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти» получает Ленинскую премию и избирается на высокую литературную должность. Сегодня в свои 75 лет Егор Исаев на ПМЖ в Переделкине и представляет собой образец благородного консерватизма: Егор Александрович бодр, настроен философски и даже пытался разводить кур, но помешало радио «Свобода».

Известия, 2001, — 19 дек. — с. 7
Дмитрий СОКОЛОВ-МИТРИЧ

Особняк на улице Серафимовича, некогда мечта советского поэта, сегодня выглядит как «Чайка» в потоке «мерсов» и «БМВ». На участке справа, который раньше принадлежал Александру Чаковскому, а теперь взят в аренду какими-то совсем нелитературными людьми, примерно такой же домик посчитали рухлядь, сломали и на его месте построили современный коттедж.

Егора Александровича затащили за латиницей забора. Ассистировал сосед слева — родственник покойного Евгения Пермяка. Забор, судя по всему, латался уже не раз. Вообще весь участок чем-то напоминал классические 6 соток — видно, что здешний обитатель занимается земледелием всерьез, но орудия труда оставляют желать лучшего. Закончив показ своего хозяйства, Исаев поднял палец вверх:

— Литератора во мне потеснить можно. Но мужика убить во мне нельзя, — и, развернув остальные четыре пальца, он обвел ладонью пейзаж: — Ты посмотри, красота какая!

На кухне старенький «Рубин» вещал что-то про День Конституции. Егор Александрович выключил телевизор и продолжил мысль:

— К конституции вообще как к определенному институту человеческого бытия я отношусь положительно. Если жизнь — это река, то конституция прочерчивает фарватер от родника до устья. Но нет прямых рек и нет совершенных конституций — с этим приходится мириться. Однако знать и уважать Конституцию надо обязательно. Уважать, а не праздновать! Отмечать День Конституции — это все равно что праздновать физику, химию или литературу.

Из этих же соображений Егор Александрович не поехал сегодня

на пленум прохановского Союза писателей, в котором он является членом совета старейшин. Но не только поэтому. Мне показалось, что он был заинтригован нашей встречей. Даже по телефону было заметно: тот факт, что им заинтересовались «Известия», стал для него неожиданностью. Последние 10 лет Егор Александрович почти полностью живет в самодостаточной патриотической субкультуре — выписывает «Завтра» и «Советскую Россию», печатается в «Нашем современнике» и настолько равнодушен к тому, что за пределами этой культуры, что даже не помнит, как будет правильно — «Московский комсомолец» или «Молодой комсомолец». Потусторонняя действительность тоже не особо интересует Исаева — и тут вдруг «Известия». В течение первого часа разговора было заметно, что мой собеседник ищет и не может найти стиль общения, местами шифруется, а употребляя слова из советского лексикона, на всякий случай прибавляет: «Простите меня».

— ... Конституция должна содержать в себе не формулу, а хромосому. Живое требует живого. Иначе этот закон не укоренится в сердце общества, в сердце, простите меня, коллектива. От коллектива мы не уйдем, иначе придем к пустыне. Единственный бесколлективный предмет — пустыня. Там все свободно. Свободно и мертво. Песчинка с песчинкой не здороваются, они свободны от этого. Ветер подул — и их отнесет в другую сторону, — Егор Александрович опять поднял палец и почти крикнул: — Я люблю

несвободу почвы! Вот как вы думаете, сколько на планете океанов?

— Говорят, четыре.

— Ошибаются. Есть еще пятый океан, глубиной всего два метра. Это почва. Вот там все связано. Там все взаимозависимо. И пусть там где-то попадает грязь, но в этой грязи живет чудо. Великое чудо, не разгаданное еще наукой. Какой-то микрокошечек встречается с каким-то элементом почвы — и зажигается цветок, который идет по корешку, по стеблю, по ветке и являет себя красотой, а потом плодом. Где происходит этот поцелуй?..

Пришел внук. Тоже Егор. Принес продукты. Егор учится в Москве на факультете журналистики и по очереди с еще одним внуком и внучкой навещает деда. Егор-старший любит Егора-младшего, несмотря на то, что у него длинные волосы, и дед любит повторять: «Кудри хорошо, а голова лучше». Впрочем, это понятие он трактует широко. «Кудри» — это все, что удалено от «почвы».

— Дед, здесь дуэт. Пойдем наверх, в твой кабинет.

За рабочим столом Исаева стоит печатная машинка с написанным сегодня утром некрологом на смерть главного редактора «Славянского вече» Ивана Кerpеля. Здесь же несколько портретов жены Исаева, которая умерла 4 года назад. В книге, которую он мне подарил, я потом нашел посвященные ей стихи: «Тебя уж нет давно, а я все верю в чудо, / Что ты хоть раз один отпросишься оттуда, / Придешь, как свет из тьмы, с лица откинешь полночь /

АЛЕКСАНДР КОРОЛЬКОВ

Егор Исаев: в сущности, наш социализм погиб от иждивенчества

И всю себя сама живой волной наполнишь. / Предстанешь предо мной, и на краю разлуки / Я в радостных своих твоих согрею руки. / И лишь потом, когда ты снова станешь тенью, / Земле тебя отдам, но не отдам забвенью».

Усевшись в кресла, мы вернулись к почве, цветку и поцелую. Уже через полминуты выяснилось, что Егор Александрович имел в виду социализм:

— Он просто есть — как любовь, как энергия, как свет. Я думаю, мы в свое время оказали плохую услугу этой великой и неизбывной идее. В сущности, наш социализм погиб от иждивенчества. Но неужто будет править капитал? Обратите внимание: вся мировая литература никогда не пела гимн частной собственности. Наоборот, она искала ей меру.

А сейчас иначе. В наше время очень трудно найти цельный характер для своего героя. Почти невозможно. Назидать нельзя, протестовать, кричать, выходить на митинг — тоже не то. Слишком много сейчас передовитости, опоры на фразу, театра. «Скифов», «скифов» не хватает... — Исаев хлопнул по столу рукой и поднялся. — Ну, мне пора.

В этот день он все-таки должен был поехать в Москву: товарищ по перу Сергей Васильев попросил выступить на своем вечере в ЦДЛ. Машины у Исаева нет, поэтому обычно он ездит на электричке, до которой пешком километра два. Но сегодня Бог послал корреспондента на машине.

Уже на Можайском шоссе я вспомнил про самое интересное.

— Что же вы мне кур не показали?! У вас же куры есть. Я читал где-то.

Егор Александрович всплеснул руками, а внук расхохотался:

— Дались всем эти куры. Меня с ними прямо-таки затравили. Лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда разводит кур! С ума сойти! Вот если бы птицеферму украл — это было бы да. А честно вырастить выводок — это курам на смех. Все по ним прошлись, даже радио «Свобода». Все, нету больше курятника, нечего показывать.

— Неужели пошли на поводу?

— Вот еще. Просто корма дорогие. Я трижды пытался птицеводством заниматься, но накладно получается. И еще дважды заводил гусей и уток. Вернее, дело было так. Один раз у меня на участке осела дикая утка. Прилетела

и не улетает. Ну, я ее не трогал — пусть себе живет. Смотрю — яйца снесла, высиживает. И тут я большую глупость сделал, до сих пор себе простить не могу. Решил ее подкормить: поставил рядом с яйцами миску с едой. И навел таким образом на это место ворон. Они улучили момент и поклевали все яйца. А еще раз гусей завел, но их соседская собака загрызла. Всех, кроме одного. Этот гусь отбилась, но с тех пор почувствовал свою силу и стал просто зверем — разве что не лалял.

— Егор Александрович, скажите честно, вы теперь счастливый человек?

— Это не счастье, это самая прекрасная обыкновенность. На свете счастья нет, но есть покой и воля. Вот это мне сейчас ближе. Прав был Пут... Пушкин.

